

Константин Бальмонт

ДАР ЗЕМЛЕ

МАТЬ МОЯ

Мать моя, люблю твои одежды,
Изумрудный шелк и бархат белый,
Поступь тигра, пташки голос смелый,
Океана синие пределы,
Лиц дремотных теневые вежды.

Мать моя, бываешь ты безумна,
Но за мигот крайних исступлений
Ты даешь душе восторг молений,
Красочное таинство растений,
И снопы, упавшие на гумна.

Мать моя, ты мне дала дерзанье,
Я спускался в пропасти без счета,
От всего иду еще во что-то,
Я люблю опасности полета,
Я лечу, хотя б на истязанье.

Мать моя, к тебе я с малым даром,
Я, твой сын, всегда тебе покорный,
Ты прими мой стих, мой звон узорный,
Я люблю тебя и в бездне черной,
Я горю, но не сожжен пожаром.

ДАР ЗЕМЛЕ

Та кровь, что перед нежной красотой
В горячем сердце билась родником.
Еще другая, та, что пред врагом
Курчавилась и пенилась враждою, —

Вошла в слова, и звучной чередою
Пропела стих и расцвела цветком,
Еще тот снег, что с пылью незнаком,

В комок слепив, обрызгал я звездою.

Все это сочетав зазывом чар,
Я взял еще и горсть родной землицы,
И два пера из крыльев быстрой птицы, –

Свой старый дом поджег, раздул пожар,
В разбеге строк зазыбились зарницы,
И отдал я Земле мой малый дар.

ЖЕЛТАЯ РОЗА

Расплавленное золото в эфире,
Округлый щит, огнеобъем, вулкан,
Весь в огневзлетах желтый Океан,
Стремящий – ход лучей – все глубже, шире,

Одним тобой я избран к жизни в мире,
И светлый лик и дар певца мне дан,
О, роза бездн, небесный Гюлистан,
Верховный знак, чтоб звук зажегся в лире.

Люблю тебя, как в свежие те дни,
Когда твой лик я желтым видел чудом
Над ранним травянистым изумрудом.

В тебе сторожевые есть огни,
Вся кровь моя полна Пасхальным гудом,
Я принял в дух свой Солнце искони.

ЗЕЛЕНЬ ДИСК

Зеленый диск явил свои узоры
С разбегом тонких вытканых лучей,
И в звучном сердце стало вдруг звончей,
Узор стиха в ответ на те уборы.

Там были срывы, кратеры, и горы,
Мельканья копий, веянье мечей,
Был светлый спор, гадало сердце: «Чей?»
И мнилось, что ответ возникнет скорый.

Волна волшебств зеленых за волной.
Уснули тигры в мраморном чертоге.
Окончен день. И утомился зной.

На сердце – сердце нежной шло войной.
И этот щит в боях, где бьются боги,
Мы в наших днях всегда зовем – Луной.

СИМФОНИЯ

Где грань земли и влаги, выплыл лик,
Всходящий, желтый, с силою внушенья,
В равнине вод зазыбилось движенье,
И свежий, тишь порвавши, плеск возник.

Он перешел в протяжный влажный клик,
Во впевах волн все дышит окруженье,
В Луне вверху магнит воображенья,
В глубинах взрыв, что с часом будет дик.

Колдунья бег волны к себе позвала,
Сама скользит в сиянии немом,
Волна растет и взбилась гребнем вала,

И вал на вал как будто дом на дом.
Луна велит. В луче зазыв кимвала.
И Океан бросает к небу гром.

ГОВОРЫ

Лепечущая пряжа щебетанья
От ласточки до дремлющей души,
Летающий звук: «Люби! Живи! Спеш!»
Мгновение – основа мирозданья.

Морской волны седое бормотанье,
Органный бор в разбуженной глуши,
Все говоры вещанья хороши,
О, ветер, хорошо твоё рыданье.

Свободный дух, ты носишься в степях,
Живая воля, вечно молодая,
Ты змеем веешь, зыбью пропадая, –

Качаешь цвет на длинных ковылях,
За Морем был, сверчком поешь в сеньях,
К воспоминанью сердце убеждая.

ПЛАМЕЦВЕТ

Обрывок ткани, кровью напоенный,
Пронизанный играющим огнем,
Расцвел в кусте. И задержался в нем
Неспетый вспев души, в любовь влюбленной.

Прицветником кровавым окаймленный,
Внутри – цветок, как малый водоем,
Где влага – золото. Он насыщен днем,
Он спаян Солнцем в перстень снов зажженный.

Цветок Теноктитлана давних дней,
Цветной костер Египта и Алжира,
Беседка лепестковая огней.

Кто был в любви, тот будет вечно в ней.
Я бросил сердце в это пламя мира,
И вижу взлет горящих ступеней.

РАДУГА

Летящий свист высокого стрижа.
Июльский сумрак. Розовые крыши.
Гроза прошла. И в сердце стало тише.
Мысль ворожит, всем в мире дорожа.

И красный и зеленый есть межа.
И синий в синем. Дальше. Глубже. Выше.
Провеял зыбкий лет летучей мыши.
Средь ста колосьев на одном есть ржа.

Средь тысячи безумных начинаний
Один удар мгновенного резца
Дает восторг сознанию без конца.

Свети, лазурь. Цвети, любовь в тумане.
Я знаю боль молитвы чернеца,
И семь межей, цвета престольной ткани.

ПОГАСНЕТ СОЛНЦЕ

Погаснет Солнце в зримой вышине,
И звезд не будет в воздухе незримом,
Весь мир густым затянут будет дымом,

Все громы смолкнут в вечной тишине, –

На черной и невидимой Луне
Внутри возникнет зной костром палимым,
И по тропам, вовек неисследимым,
Вся жизнь уйдет к безвестной стороне, –

Внезапно в пыль все обратятся травы,
И соловьи разучатся любить,
Как звук, растают войны и забавы, –

Вздохнув, исчезнет в мире дух лукавый,
И будет равным быть или не быть –
Скорей, чем я смогу тебя забыть.

ЧЕТЫРЕ ЗВЕНА

В ребенке, грудь родимую сосущем,
Незримая, глубоко дремлет страсть,
Отец и мать в него вложили власть,
Когда возник он поцелуем пьющим.

Он вырастет. И в сне быстротекущем, –
Вся жизнь есть сон, и в сны он должен впасть, –
Рот будет целовать, и примет часть
В наследстве древнем, изначально-сущем.

Он будет остывать и холодеть.
Он будет в смене дней совсем студеным.
Был золотом. Стал серебром. И медь

Все будет вниз влачить его по склонам,
Где трубно будет колокол греметь,
Когда железным смерть скует законом.

БРЫЗГИ

Обрызгана холодными слезами,
В туман и дым легко облечена,
Склонилась привиденная Луна,
Застыла над октябрьскими лесами.

Какими отзовется голосами
На зов души ночная тишина?
Душа людей, ты без Отца, одна.
Без Матери. Свой дом постройте сами.

За каплей капля, долгие века,
Дробит кремень, протачивает горы,
Из диких глыб ткет стройные соборы.

За каплей капля, мощная река
Проходит семистранные просторы.
Плачь, сердце. Тайна зданья глубока.

ТИХАЯ МИНУТА

Из бури в тишину спокойный мост,
Вдвойне, за ливнем, изумрудна туя.
На шкафе вырезном глухарь, токуя,
Распространил дугой свой веер-хвост.

Как этот миг пленителен и прост.
Не плача, не жалея, не ревнуя,
В картинах стен читаю старину я,
Мне чудится весна и россыпь звезд.

Предутренняя, ткет туман прохлада.
Из звезд и предрассветной тишины
Встает любовь, окутанная в сны.

Все в прошлом было так, как это надо.
Отшедшая, глядит живой отрада,
Как этот лось, глядящий со стены.

ПУТЬ

Посеребрить как белую Луну
Свою мечту, отбросив тeneвое.
Любя, ронять мгновенья в звездном рое.
Сгустить свой дух как Солнце. Впить весну.

Вобрать в себя морскую глубину.
Избрать разбегом небо голубое.
Жить в скрипке, барабане и гобое.
Быть в сотне скрипок, слившихся в волну.

Пройти огнем по всем вершинам горным.
Собрать цветы столетий тут и там.
Идя, прильнуть душой ко всем цветам.

Хранить себя всегда напевно-зорным.

Путь сопричастья круглым тем шарам,
Что ночью строят храм в провале черном.

КОСТЕР

Он был вождем. И шли за ним дружины,
Как за матерым волком сто волков.
Мы грабили селенья берегов,
И пили меда полные кувшины.

От вьюги вдаль. На Юг от белой льдины.
Всегда вперед, и никаких оков.
Он счастлив был, увидевши врагов,
Свист лезвия – восторг душе единый.

Семи мечей был поцелуй остер.
Обрушен дуб ударом дровосека.
Развязан узел волей Трех Сестер.

Вождю высокий разожжен костер.
Я взял свирель из кости человека,
И песнью славы грусть утраты стер.

ОЛЕНЬ

Полнеба взято Северным сияньем,
Горящей ризой неба над землей.
Даль Севера полна молочной мглой,
Застыло Море круглым очертаньем.

Нет счета снежно-льдяным созиданьям.
Скала звенит. И ветер над скалой
Из снега строит небу аналой,
Поет псалмы, и тешится рыданьем.

От облака бежит проворно тень.
Мечтая о приснившемся обеде,
Лежат как груды белые медведи.

Не мрак. Не свет. Не час. Не ночь. Не день.
На вышнем небе ковш из желтой меди.
И смотрит ввысь, подняв рога, олень.

В ГОРАХ

От гор исходит вдохновенье,
В них многозвёздн ход ночей.
В снегах молчанье откровенья, –
Будь верен Родине своей.

Вершины манят в отдаленье,
В уступах пенится ручей.
Забросив брызги влаги в пенье, –
Будь верен Родине своей.

От птицы к птице – устремленье,
Восторг души – разрыв цепей.
Любя острый миг боренья, –
Будь верен Родине своей.

Ты с детства знал орлов паренье,
И долгий говор журавлей.
Так не меняй предназначенья, –
Будь верен Родине своей.

ЗОЛОТЫЕ СТОЛБЫ

Золотые столбы лучей
Отразились в немом пруду.
Разливаются крики грачей,
Я весною к тебе приду.

Еще слышится талый снег
В холодке красноватых зорь.
Но минут неизбежен бег,
И когда я приду, не спорь.

ВОРОЖБА

Наклонилась, изогнулась, распахнулась, и опять
В прежнем лике неподвижна, вся – лелейных тайн печать.

Покачнулась идохнула всею свежестью весны,
Забелела благовонно ткань воздушной белизны.

Наклонилась, и, объята дрожью легкою, она
Вся внимает, как ей звонко без конца поет струна,

Это кто же? Та, в ком нежность, с тем, кто хочет ей владеть?

С кем вдвоем цвести желанно и заткать мгновенье в сеть?

Нет, другое. Это только, в сладком млении своем,
В вешнем вихре ветка вишни в перекличке со шмелем.

НОЧНАЯ БАБОЧКА

Белая бабочка сказки полночной
С полным доверьем мне на руку села,
Зыбятся усики дрожью урочной,
Все в ней загадочно, четко и смело.

Я наклоняюсь, и вот мне не странно
Тайно беседовать с малым созданием,
Ей теплота человека желанна,
Я упоен белокрылым свиданием.

ДРЕВНЕЙ

Я чувствую, что я древнее, чем Христос,
Древнее первого в столетьях Иудея,
Древней, чем Индия, Египет и Халдея,
Древней, чем первых гор пылающий откос.
Я был еще тогда, как в воздухе разъятом,
Среди безжизненных пылающих пространств,
В предчувствии немом сверкающих убранств,
За атомом помчался атом.

Но я еще древней. Гори, душа, пророчь.
Припоминай себя в чертах многообразных.
Я был еще тогда, как в безднах безграничных
Была единая нетронутая Ночь.
К избранникам Судьбы идет от сердца уза,
Все Божие Сыны живут в моих зрачках,
Но более всего я волн люблю размах,
Всех вер священнее – медуза.

ПАУТИНКИ

2

Любовь огонь, и кровь огонь, и жизнь огонь, мы огненны.

3

Кабель под бездной морей, это кличет к державе держава,
Так и паук паутиной поет о взнесенности радуг.

4

Кто это молвил, что мы красоте создаем горнило?
Звезды и звери, цветы, океаны, ручей и вулкан,
Все, что живет в этом мире, влекомо в мирах Красотою.
Зодчим быть хочешь? Спроси земляного об этом червя.

5

Вслушайся в музыку, в музыке вечное смотрит в минутное,
Луч в подземелье заглянет на миг, потолок золотит.
Ветер заморский домчит с островов к нам дыхание смутное,
Звук обоймет, шевельнет сокровенность и прочь улетит.

6

К душе от души первоцвет, пробегая,
Весь мир засвечает на миг целиком.
Снежинки с снежинкой летают, мелькая,
И станут весною они родником.
И только целуя, и только лаская,
Я чувствую Бога кругом.

ЦВЕТОЧНЫЙ ЗВОН

Если цвет в дремоте лунной
Расцветает в миге снов,
С чуть разъятых лепестков
Свеян звон легчайше-струнный,
Легче праха от снегов,
Тоньше пряди облаков,
Тише фейных – к сильфе – слов.

Это – пение рожденья,
Изнутри исход вовне,

К Солнцу, к воздуху, к весне,
Это – таинство цветенья,
Призрак музыки в огне,
Устремленье к вышине
Побывавшего на дне.

ВОРОЖБА РЕСНИЦ

Построй чуть сомкнутые стены,
Свое извне вовнутрь втесни,
Покинь мгновенно мир измены,
Среди ресниц побудь в тени,
В ночах вспевает цвет вервены,
В них тайны мира искони.

Зрачки души – в работе дружной,
Ты вдруг в желанном дальних мест,
Не тьма, в тебе чертог жемчужный,
Восторг невенчанных невест,
Кинь Север, для тебя не нужный,
И пей глазами Южный Крест.

ИЗ ПЛАМЕНИ

Я смотрю над крышами домов,
Безглагольно небо голубое,
Но смотри, расслышишь много слов
О любви и творческом покое.

Если свод небесный долго нем,
Облака слагаются в напевы
Пламенем иссеченных поэм,
И струятся косвенные севы.

Но, изведав свет жемчужных строк,
Дав громам восторг и буйство пенья,
Синий храм спокоен и глубок,
Вскинув огнецвет пресуществленья.

Мерная гармония вверху,
Облака – преображенья чувства,
Тучка к тучке – мысль и стих к стиху,
Грозовые замыслы искусства.

ОСЕНЬ

Вот они, мерзлые глыбы,
Серого цвета земля.
Трав перекручены сгибы,
Холод их сжал, шевеля.

Бешено носится ветер.
Дождь. За слезою слеза.
Смотрит мне зябнувший сеттер
С недоумением в глаза.

Кто же охотиться может,
Если исчезла вся дичь?
Холод кусает и гложет,
Ветер заводит свой клич.

Будет он снежные тучи
К белой забаве скликать.
Тканью обрывно-линючей
Смотрит унылая гать.

НЕВЕРНОСТИ

Стало много красных яблок,
И брусника весела.
Жметя к ветке синий зяблик,
Мыслит: Где бы взять тепла?

Весь лесной багряный округ
Наряжается в пожар.
В бледном небе долгий оклик,
Журавлей летит базар.

Продают ли? Покупают?
Русь Египту на промен.
Скоро воздух будет спаян,
В небе призрак белых стен.

В КИБИТКЕ

Луна глядит как глаз кита,
Который, жутко-белый,
Плывет и лоскутом хвоста
Бьет в дальние пределы.

И нет, не бьет хвостом тот кит.
А, в воздух упирая,
Плывет, и глаз его как щит
Среди морей без края.

Ты думал, это облака
Плывут лазурью ночи.
А то китовьи лишь бока,
И с ними даль короче.

Я еду-еду. Мерзлый вид
Налево и направо.
И виснет круглый сталактит
Безмерного удава.

Схлестнулся с белым он китом,
И вгрызлось чудо в чудо.
Расстался кит с своим хвостом,
И сдавлен змей как груда.

Молчу. Смотрю. И нет кита.
И больше нет удава.
Лишь голубая пустота
И золотая слава.

ЗАБАВА

Я веселился
С Забавой Белой.
Я опушился,
Как колос спелый.

Смеясь, умылся
Я свежим снегом.
В полях носился
Проворным бегом.

Я в шелк рядился,
И в бархат пышный.
В лесах крутился,
Как дух неслышный.

Я притаился
За косяками.
Я в дом ломился,
Гремя замками.

Я засветился,

Плясал и топал.
О стены бился,
И ставней хлопал.

В трубу укрылся,
Насытись скачкой.
И там томился,
И ныл заплачкой.

Освободился
От злой неволи.
Оборотился
Я зайцем в поле.

Воронкой вился
В песчинках снега.
И сам дивился,
Что в этом нега.

Скакнул, вонзился
В крыло воронье.
С ней наклонился
В крестопоклонье.

Мечтой влюбился
В верченье круга.
С Забавой слился,
И мчит нас вьюга.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗНАК

Уж скоро крикнет петух весны,
Что пламя мчится из вышины,
Что пламя пляшет пред торжеством —
Дрожать гореньем во всем живом.

Мы знаем зиму и звонкий лед,
Мы знаем ветра живой полет,
Секундной стрелки проворен бег,
Буравчик тонкий источит снег.

Летит к нам вольность, легко-светла,
Качая в небе колокола,
В веселый полдень почуял дух,
Что там на Солнце пропел петух.

БРОСИТЬ

Бросить брызги острых молний,
Звезд, разломанных в куски,
Гнать по Морю в ярком челне
Стаю, вражьих челноки.

Бросить бремя дымной тяги,
Рушить в пропасть взлеты гор,
Ширь Сахар, лишенных влаги,
Взрезать, меряя простор.

Бросить бреды снов минувших,
Свергнуть тени в пустоту,
Быть пчелой в цветущих вишнях,
Подорожником в цвету.

ВРУБЕЛЬ

Врубель – пламень, лебедь, демон,
Врубель – бешеная скачка
Четырех копыт коня.
Вот оракул. Тих и нем он.
Но зазыбилась заплачка,
Вмиг слетает с уст, звеня.
Врубель – демон, лебедь, пламень.
Ценный камень,
И сирень.
Врубель – косвенная тень,
Уплывающая лодка,
Взбрызги Солнц, плеснувших четко
На заветную ступень
Тайной лестницы, ведущей
В мир тончайший, вечно сущий,
В наш великий, в наш грядущий,
Богоравный день.

ДЕНЬ

Китайское Тиэнь, зиждительное Небо, –
Наш светозарный День, – Индусское Диу, –
Теос Эллады, Дзэйс, – и Деус гордых Римлян, –
Ацтекское Теотль, – напев подобных букв,
Меняющийся звук с единым означеньем
О братстве говорит богов с людьми в веках.

БАШНЯ

Всходы башни
Путь змеиный.
День вчерашний
Стал картиной.
На картину
Я смотрю,
Тайно стыну,
Говорю.

Дни как струи,
Вечно то же.
Лишь чешуи
В змейной коже.
Час линияня,
Спит змея.
В созиданьи
Новый я.

Дни как зерна,
В скрытом тают.
И упорно
Прорастают.
Колос пашен,
Серп и сноп.
Он не страшен,
Мнимый гроб.

Дни как зори,
Зовы в страны.
В звездном море
Мост румяный.
Средоточий
Вещий бред.
После ночи
Рдеет свет.

Дни как груды
Копей черных.
Изумруды
В жерлах горных.
Взмах киркою,
Вот руда.
Я открою
Жизнь всегда.

Чрез рубины
Зыбь в опале.

Ход змеиный
По спирали.
Взлеты башни
Храм змеи.
Зерна пашни
Все мои.

СТУПЕНИ

В расщелинах древних ступенчатых слов
Таятся глаза сновидений.
Там змеи забытых заветов и ков,
Дремотные грузные тени.

Заросшая лестница. Терем немой.
Под крышей гнездятся лишь совы.
Постранствуешь в мире, и тянет домой,
И древние манят основы.

Всхожу на ступени. Проснулась змея.
И встречен при входе я Змеем.
О, здравствуй, старинная правда моя,
Мы выявить клад наш сумеем.

ТЕРЕМ

Я видел морей и пустынь кругоем,
Я в солнечной медлил победе.
Но чувствую, лучше мне в доме моем,
Где больше железа и меди.

Я был в златотканом чертоге вдали,
С волшебницей белораменной.
Но дома сундук есть в подвале, в пыли,
И в нем самоцвет есть бесценный.

Вобравши лазурь в дальномечущий взор.
С конем распростился я. Пеший
Иду по лесам. И смарагдовый хор
Слагает с деревьями Леший.

Зеленая сказка расцветов и трав,
В ней птица стакнулась со зверем.
Хмелею. Вошел в меня древний состав.
И вот он, узорчатый терем.

Он темен. Он истов. Он ласков и строг.
В нем думы и сказки ватагой.
Зовет меднокованный четкий порог.
Войди, и насытишься брагой.

СОЗВЕННЫЕ

Высокий кокошник. Наряд нарочитый.
Ласкательный мех душегрейки.
Привет тебе, вкрадчивый соболь, убитый
Во имя смеющейся змейки.

Все дни наши звеньями ласки мы мерим,
Нас Месяц дарит жемчугами.
А в полночь над нами узорчатый терем
Резными поет петушками.

ЛЕТУЧИЙ

Когда весь мир, из ничего, из праха,
Прорвавши ночь, явился в блесках дня,
Красивы были, мрак на жизнь сменя,
Орел, верблюд, и лев, и черепаха.

Но лик еще дремал в уме Аллаха,
Горсть воздуха схватив рукой огня,
Замыслил он Арабского коня,
И, длань разжав, он бросил вихрь с размаха.

С тех самых пор дрожит огонь в ноздрях
Летучего, кто весь – размах порыва,
Из тучи – хвост, с грозой венчалась грива.

Глаза – жерло, где всем неверным – страх.
Когда ж он спит, он зыблемая нива,
Где каждый колос помнит: – «Жив Аллах!»

ДЖИГИТУЙ

Сандро Ку

Много в мире сказок страха
Между днем и новым днем,

Ибо ночь покров Аллаха
Сине-черный, и на нем,
Как оазис, выше праха,
Звезды ткут лозу огнем.

Много в Море чудищ в тони,
Рыба-меч, акула, кит,
Всюду брани и погони,
Зоркий враг всечасно мстит,
Но Арабские есть кони,
Конь крылат, и он летит.

Птица в воздухе великом
Знает верные пути,
Конь умеет в бое диком
Принести и унести,
Греза может звучным вскриком
Звонкий стих в венок сплести.

Вверься имени Аллаха,
С неба ток бессмертных струй,
Над картиной в раме страха
Светит Солнцем поцелуй,
В силе конского размаха,
С песней в сердце, джигитуй.

ЗАВЕТ

Человек рожден из сгустка крови красной,
Четко возвестил нам вещий Магомет.
В этом знак признай для доли полновластной,
Возлюби в мечтах рубинно-алый цвет.

В колыбель твою уронено от Бога
Две пригоршни снов и алых лепестков: —
Разбросай одну, пусть вся цветет дорога,
А другую спрячь за рифмами стихов.

И когда в пути красивую ты встретишь,
И когда в пути, вздохнув, устанешь ты, —
Пламенем костра свою любовь отметишь,
Женщину стихом оденешь ты в цветы.

ЖАЖДА

Из жажды музыки пишу стихи мои,

Из страсти к музыке напевы их слагаю
Так звучно, что мечте нет ни конца, ни краю,
И девушка мой стих читает в забытьи.

Я в сердце к ней войду, верней, чем яд змеи.
Хотела б убежать. Но вот я нагоняю.
Моя? Скажи мне. Да? Моя? Я это знаю.
Тебе огонь души. Тебе стихов ручьи.

Из жажды музыки рождается любленье,
Влюбленная любовь, томление и боль.
Звучи, созвучие! Еще, не обездоль!

Я к Вечности приник. В созвучьи исцеленье.
В непрерываемом душе побыть дозволю.
Дай бесконечности! Дай краткому продленья!

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Я слушал дождь. Он перепевом звучным
Стучал во тьме о крышу и балкон,
И был всю ночь он духом неотлучным
С моей душой, не уходившей в сон.

Я вспоминал. Младенческие годы.
Деревня, где родился я и рос.
Мой старый сад. Речонки малой воды.
В огнях цветов береговой откос.

Я вспоминал. То первое свиданье.
Березовая роща. Ночь. Июнь.
Она пришла. Но страсть была страданье.
И страсть ушла, как отлетевший лунь.

Я вспоминал. Мой праздник сердца новый.
Еще, еще, улыбки губ и глаз.
С светловолосой, с нежной, с чернобровой,
Волна любви и звездный пересказ.

Я вспоминал невозвратимость счастья,
К которому дороги больше нет.
А дождь стучал, и в музыке ненастья
Слагал на крыше мерный менуэт.

В ТИШИНЕ

В тишине деревьев шелестящих,
Перепевных, стройных, нешумящих,
Лист к листу, листьями говорящих,
 Ловит мысль иные времена.
Океанский папоротник, лесом,
Шелестит, завесы льнут к завесам,
 Пенится широкая волна.
Где я был за гранями столетий?
Между пальм и волн мы были дети,
Крыс речных мы уловляли в сети,
 От зари играли до зари.
И несли нас длинные каноа
В тишину лагунную Самоа,
 И к вулканам рдяным Маори.

ДУГА

Луна затерялась за гранью зубчатой, окутанных дымкою, гор,
Но желтой дугою она задержалась на зеркале спящих озер.
Их семь, Маорийских озер, многообразных по цвету и тайне воды,
В себе отразивших дугу золотую, и в ней средоточье звезды.

Вот озеро просто. Вот озеро серы. Вот озеро с ледяной водой.
И с влагою млечной. И с влагой горячей. И с влагой смолисто-густой.
Но там полноцветней, пышнее, и краше дуга золотая Луны,
Где влага влюбленья, и влага внушенья, что лучшее в жизни суть сны.

ЛЮБИМАЯ

Над морем тяготенье было тучи,
Свинцовая громада в высоте.
А тут и там, на облачной черте,
Какой-то свет был нежный и тягучий.

Откуда доходил он из-за кручи
Туманов, сгроможденных в пустоте?
Особенный по странной красоте,
Мне талисман в нем чудился певучий.

Вдруг высоко, там, в безднах вышины,
Серпом Луна возникла молодая,
И с свежим плеском, гулко возрастая,

Качнула сила ровность глубины.
Так ты пришла, о, радость золотая,
В мгновение рождения волны.

ЧАРА

Из-за морей и гор едва дошло жужжанье,
Как будто за сто верст звенит в Луне комар, –
Как будто, восхотев продленья бывших чар,
Колдун через века домчал листка шуршанье.

Жужжит одна струна, в которой обещанье,
Мольба любить любовь, продлить нездешний дар,
Из тысячи домов чуть глянувший пожар,
Из потонувших дней последних зорь дрожанье.

Тот свет не призрак зорь, то желтый лоскуток.
Тот блеск – игра кольца, не ласка Новолунья.
Тот звук – не звон струны, хоть странно звук высок.

Тот лик – не мертвый лик, она жива, колдунья.
Из ткани вечности вдруг вырвала кусок,
И зыбит пение – Яванская плясунья.

ЧЕРКЕШЕНКЕ

Я тебя сравнить хотел бы с нежной ивою плакучей,
Что склоняет ветви к влаге, словно слыша звон созвучий.

Я тебя сравнить хотел бы с юным тополем, который
Весь смолистый, в легкой зыби, к небесам уводит взоры.

Я тебя сравнить хотел бы, видя эту поступь, дева,
С тонкой лилией, что стебель клонит вправо, клонит влево.

Я тебя сравнить хотел бы с той Индусской баядерой,
Что сейчас-сейчас запляшет, чувства мера звездной мерой.

Я тебя сравнить хотел бы... Но игра сравнений тленна.
Ибо слишком очевидно: Ты среди женщин несравненна.

БЕССПОРНО

Ожидая неожиданное,
Угадуя неразгаданное,
Я выбрал дыханье ладанное,

Огнеланных принял струй, –
И видение невиданное
Взяв душою необорною,
Славлю истину бесспорную,
Возглашая – поцелуй.

СТРЕКОЗКА

Мирре

Девчонка бешеных страстей,
И ангелок, и демоненок,
Вся взрослая, хотя ребенок,
И вся дитя среди людей,
То злой упрямый соколенок,
То добрый золотой цыпленок,
Ты нежный крест души моей
Девчонка бешеных страстей.

Ты крест, но очень нежный. Ибо
Все своеволия твои
Не тяжко-каменная глыба,
А острый угол, бег изгиба,
Стрекозка в лете, взмах змеи,
И птичий щебет в забытьи,
И все весенние ручьи.

КАК ЯРКИЙ ЛУЧ

Как яркий луч ко мне вошла,
Цветок веселый уронила,
И келья сделалась светла,
Душисто дрогнуло кадило,
И сердце счастьем осветила.

Над тусклым стрельчатым окном
Позолотила паутину,
Мечту зажгла цветным огнем,
Дышать заставила равнину,
И я ее уж не покину.

ВЕНОК

Смешать печаль, которой нет острей,
С восторгами, которых не бывало,
Но могут быть, – от горного обвала
Взять музыку, – и, кровь погнав быстрее,
В стихи добрызнуть огненный ручей,
И все соткать, для нежности твоей,
В венок любви, – а если скажешь: «Мало»,
Вели еще! Я твой, среди зыбей
Девятого ликующего вала!

НАД РУЧЬЕМ

Когда мы тихими часами
С тобою говорим вдвоем,
Тебя я вижу над ручьем,
Ты лань с безумными глазами,
И мне хотелось бы сквозь мглу
Пустить проворную стрелу,
Чтоб не убить, о, только ранить,
И рану излечить скорей
Всей страстной нежностью своей.
И лаской эту лань туманить.

ЦВЕТ ПШЕНИЦЫ

Пшеничный цвет твоих волос,
И светлого лица румянец,
Во мне рождают пенье грез,
И кровь ведут в проворный танец,
И хоть страна твоя – мороз,
А я поэт, и я Испанец,
С тобой мне пляска суждена,
Быть может, в час, когда Луна
Горит, пронзая глубь до дна.

Звеня струной, я буду твой,
Все струны любят – перекличкой,
Я буду змей в ветвях живой,
А ты уклончивою птичкой,
Я буду ветер круговой,
А ты расцветшею пшеничкой,
И в высоте, где ходит гром,
Мы будем в небе голубом
Звездой и матовым Серпом.

СЕСТРА

Сестра, ты вдруг поцеловала
Его, кто жаждал и робел.
И роза снов раскрылась ало,
И нежный ландыш в страсти бел.

Я сплю. Меж век чуть зрима щелка,
И чара к ней идет с Луны.
Я вижу огневзоры волка
Среди безбрежной тишины.

Я чувствую – зима устала,
В тебе весенняя игра.
Ты льнешь ко мне. О, мало, мало!
Я сплю. Целуй еще, сестра.

ЗВЕЗДА

«Мы будем там, когда уйдем отсюда»,
Сказала ты, взглянувши на звезду,
И я сказал: «Я верую, и жду,
Когда же совершится это чудо?»»

Звезда плыла в сияньи изумруда,
С лучом как будто луч Луны на льду,
А облачко под ней, как мысль в бреду,
Вело в сейчас, являясь ниоткуда.

И тонкую оно продлило ткань,
Спустилось вниз продольной бледной тучей,
Как узкий мост, к земле с небес, певучий.

Он пел глазам. Ты прошептала: «Глянь!»
И я, поняв, что наш он, миг текучий,
Тебя одел в жемчужный дождь созвучий.

ПОЛНОЧЬ В ЦВЕТКЕ

Крылом старинный ворон веял
На черноту твоих волос,
Твой тихий взор в себе взлелеял
Обрывок тучи дальних гроз.

Я подошел к тебе без слова,
От сердца к сердцу был магнит,
И чувства древняя основа
В душе мгновенно говорит.

Влиянье всех неисчислимых
Веков, что где-то жили мы,
Как пламень, проглянувший в дымах,
Пронзило в сердце скрепу тьмы.

Я знал, волнуясь и волнуя,
Я знал, бледнея и любя,
Что неизбежность поцелуя
Желанной будет для тебя.

Взошла Луна, светясь медвяно,
Дышала долгим гулом мгла,
И чаша черного тюльпана
Раскрытой страстью расцвела.

ВИШНЯ

Ты стройной вишни белый цвет,
И чарой весь твой лик одет,
Я так хочу, чтобы пчела
В тот нежный цвет свой путь нашла.

Пчелиных крыл хрустелен звон,
К тебе все ближе, ближе он,
Раскрой же чашечку цветка,
Чтоб пела сладкая тоска.

Тот поцелуй златой пчелы
Есть жало ласки, песнь хвалы,
А после, в улье, в свой черед
Сгустится желтый пряный мед.

А после, вишни белый цвет
Мелькнет как ягод алый бред,
И в нас вином войдет в свой срок
Душистой вишни красный сок.

РОЗА

Ты юная Южная роза,
Тебя я не мог не заметить,

Судьбы роковая угроза
Велела мне алую встретить.

Судьба угрожает, но нежно,
Гремучей раскинуться тучей,
Овеять расцвет твой безбрежно,
Звучать как источник певучий.

Вот молния в сердце разъятом,
Я жду твоего поцелуя,
И дождь пробегает по скатам,
Рыдая, звеня, и ликуя.

ЕСЛИ Б

Если б Солнце было голубое,
Если б небо стало золотое,
Алыми раскинулись бы травы,
А цветы мерцали б изумрудом, –
Мир явил бы свету новой славы,
И любовь была бы новым чудом.

САФИР

В твоих глазах есть зыбь сафира,
Твое мне нравится лицо.
Но вот соблазн великий мира: –
Сиянье этого сафира
Хочу в мое вковать кольцо.

ЦЕЛЬНОСТЬ СЧАСТЬЯ

Цельность счастья, это – счастье вдвойне.
Это – волны в убегании к волне,
Это радость, после мрака долгих лет,
В полном цвете между листьев первоцвет.

Цельность счастья, это – тихий синий взор,
Отражающий безмолвие озер,
Там глубоко, там в прозрачности, на дне,
Талисман, и он один, и весь он мне.

ТРИ ПТИЦЫ

Летела птица голубая,
Все выси обогнула смело,
И тьма редела, уступая,
И тень земная голубела.

Летела птица золотая,
Зарею расширялись крылья,
И в душу лился, ниспадая,
Медвяный дождик изобилья.

И третья птица молодая
Летела алым самоцветом,
Весь мир был праздником, блистая,
Но я лишь гостем был при этом.

И не успел игрой узорной
Я насладиться до забвенья,
Как пала тень от птицы черной,
И в вечность кануло мгновенье.

ВИДЕНИЕ

Я видел цвет полураскрытый
В весну влюбленного тюльпана.
Но я ушел тропой пробитой,
Был праздник кончен слишком рано.

Я видел птичку голубую
Средь изумрудного сплетенья.
Но я в безмолвии тоскую,
Лишь миг один я слышал пенье.

Я видел сон: – За быстрой серной
Я, серной, мерял ширь простора,
Я с ней бы счастлив был наверно,
Но сон растаял слишком скоро.

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Ты для того меня взманила
В певучий сад,
Чтоб в сердце задрожала сила,

И брызнул звонкий водопад?

А ты, взмахнув крылами павы,
Среди куртин,
Вспорхнула, дав мне вкус отравы.
Забыв, что пред тобой павлин.

Но ты забыла, что свеченье
Стооких звезд
Средь птиц – мое лишь означенье.
Что мой цветной пышнее хвост.

Вся радость радуги со мною.
И все цвета,
И чуть я веер свой раскрою,
Как с неба смотрит Красота.

СУДЬБА

Я не верила, я поверила,
Что весами нам златоткаными
Всем Судьба в мирах путь отмерила
С ворожащими талисманами.

И тоской в лесу вся изранена,
Вот свиданья жду в светлой чаще я.
А Луна пьянит, притуманена,
Наклоненная, ворожащая.

МУЗЫКА

Женская чара владеет душою
Вкрадчиво, нежно, всевластно.
Женское сердце повсюду со мною,
Женщин пою не напрасно.

Музыка – женщина, пенье – мужчина,
Даже и женское пенье.
В музыке звездная дышит картина
Первого часа творенья.

Пение – после, в нем гулкое эхо
Дали, на миг приближенной.
Музыки дай мне, восторга, и смеха,
Петь тебя буду влюбленный.

ТВОИ ГЛАЗА

Твои глаза – простор души твоей,
В них вечный бег играющего вала,
В них синий сон загрязивших морей,
Гляжу, гляжу, и все для сердца мало.

Крылатая, ты вся поешь: – «Ликуй!»
И много снов в душе у каждой птицы,
Но лучший миг, – когда чрез поцелуй
На бездну глаз наброшены ресницы.

ИДУЩАЯ ПРЯМО

Ты знаешь страсть, но чувственности нет
В твоих движениях, в ходе сновидений.
Исподтишка не глянешь ты на свет,
Но в молнии сгоришь без сожалений.

Не всякий переступишь ты порог,
Но любишь лунный луч в овале свода.
Вдали харчевен, выпьешь полный рог
Хмельного искромечущего меда.

Я И ТЫ

Я и ты, мы с двух планет.
На одной огонь рубина,
На другой колдует льдина,
Голубой холодный свет.

Я и ты, мы с двух планет.
На одной ликуют войны,
В ней июль цветится знойный,
На другой лазурный цвет.

Наша рознь на сколько лет?
И не лучше ль сочетанье
Двух расцветов угаданья
В слитной сказке двух планет?

ХОТЬ НЕМНОЖКО

Я почувствовал узкую нежную руку,
Я почувствовал свежесть раскрытой ладони,
Я ее целовал в темноте.

Чрез мгновение ночь возвещала разлуку,
Но за счастьем я гнался, бледнея в погоне.
И тобою припал я к мечте.

Почему мы вдвоем так смеялись беспечно?
И потом, хоть вдвоем, так молчали упорно?
Я не знаю. Узнаю ли я!

Ты мне сделалась вдруг дорога бесконечно.
И тобою мечтанье мерцает узорно.
Хоть немножко – скажи – ты моя?

ПЯТЬ БУКВ

Дай мне пять нежных букв, ты дашь мне в них пять счастлих,
В гирляндах пламени отвечу я стихом,
Всепроницающим, как молния и гром,
Завладевающим, как дальний звон запястий.

Непрерываемых хочу я сладострастий.
Уста до жадных уст. Обжог горячим ртом.
И вихрь, промчавшийся над огненным кустом,
Дошел до корабля, зажег морские снасти.

Весь Океан горит. Я дух, и пламя длю.
Воспламенения с играньями цветными.
Весь заалевший мир в плавучем рдеет дыме.

Рубин расплавленный змеится к кораблю.
Добрось, желанная, лучами золотыми,
Свой сопричастный дар в пронзенное «Люблю!»

ЧАС ДУШИ

Без преград, без времени, без цели.
Самоцельный чувствовать прилив.
Слушаться невидимой свирели,
И мечтою ветку наклонив,
Чуять золотую осыпь ив.

Пролетят ликующие пчелы,
Не ужалят, только прозвенят.
К нам приспел и день и час веселый,
В ветре травы, строя светлый ряд,
О любви и счастье говорят.

Как красиво быть вдвоем с желанной.
В душу смотрят нежные зрачки
Тех цветов, что в чаше светлотканной
Затаили дружно огоньки,
И цветут над зеркалом реки.

Там, во влаге медленно-текущей,
Отразилось милое лицо.
В Отчий наш чертог, во веки сущий,
Нас ведет высокое крыльцо.
Я припас – душе твоей – кольцо.

Я из звезд сковал тебе запястье,
Из цветов я лучший взял цветок.
Обратись ко мне всей правдой счастья,
И взгляни с доверием в поток.
Этот час души моей – глубок.

БЕЗ СЛОВ

Без всяких слов, без всяких обещаний,
Люби меня.
Заснуло Солнце в розовом тумане,
Немая ночь встает в провалах дня.
Когда во сне душа дойдет до грани,
Люби меня.

ЖЕМЧУГА

Я люблю шелковистые волосы,
До которых я льнул поцелуями,
Пересветную узкую перевязь,
Сребро-матовый круг жемчугов.
Жемчуга – это Лунные помыслы,
Океанские скатные бусинки,
Это фейные бледные ягоды,
Нежно-ласковый пир для зрачков.

Я люблю эти руки красивые,

С утонченными длинными пальцами,
Этот выгнутый стан запрокинутый,
Эту страсть, и восторг тишины.
И за срывным мгновеньем стыдливости
Налетевшую бурю без удержу,
Легкоструйную зыбь утоления
Захмелевшей Грузинской княжны.

МИНУТА

Хороша эта женщина в майском закате,
Шелковистые пряди волос в ветерке,
И горенье желанья в цветах, в аромате,
И далекая песня гребца на реке.

Хороша эта дикая вольная воля,
Протянулась рука, прикоснулась рука,
И сковала двоих, – на мгновенье, не боле, –
Та минута любви, что продлится века.

<1921>

ЖАЖДА

Ты чаша, полная вина,
Но та мне радость не дана,
Вздыхнув, испить ее до дна.

Ты не пролитый желтый мед,
И мой хотящий алый рот
Застыл! Когда ж его испьет?

Ты птица вольная, но мгла
Твои сковала два крыла,
Вспорхнем, летим, ведь ты смела.

ВИНО

Я пил с тобой вино, ему же нет названья,
Я жег с тобой огонь, ему же нет конца,
Мы видели зарю и все ее сгоранье,
На тройке мчались мы под звуки бубенца.

Глаза в глаза – моря, немые океаны,
В них многоречие, чрезмерное для слов,
В наш край, как в Вечность – сны, толпой идут все страны,
Я пил с тобой вино, и вечно пить готов.

ХРУСТАЛЬ

Я заглянул в зеленые глаза,
Всемирна вольность в утре мирозданья,
Я в голубых глазах прочел мечтанье,
Венчалась в черных с молнией гроза.

И есть в очах морская бирюза,
И есть в глазах вся вечность ожиданья,
С тем первым днем, сквозь бездну дней, свиданье,
Сбор винограда, пьяная лоза.

Страданье, заблуждения, измены,
Как полночь всеохватная печаль,
Разлуки острой ранящая сталь, –

Лукавые, из разных мыслей, стены
Не в силах умертвить цветок вервены,
Всегда найду я близь, качнувши даль.

БЕСЕДКА

1

Мне хочется уйти с тобой в беседку,
О, милая, вдвоем, вдвоем!
Цветущую качнуть тихонько ветку,
Цветок увидеть на лице твоём.

С влюбленностью, но не томясь тревожно,
И не томя души твоей, –
Шепнуть тебе: Нам все сейчас здесь можно,
Дай счастье мне! О, поцелуй скорей!

2

Ты любишь танцевать по краю,
Лесной опушки, может быть,
Быть может, пропасти, не знаю,
Но пред тобой я предан маю.

Нашел цветок, его сжимаю,
И снова сладко понимаю,
Что сердцу хочется любить.

3

Когда ты будешь засыпать,
К тебе я мыслями прибуду,
Как призрак сяду на кровать,
И буду ласково шептать: –
Люби меня! Доверься Чуду! –
И ты потянешься слегка.
И будет греза глубока,
Огонь блеснет по изумруду,
Разъятый многозвездный мир,
Осеребрив, пронзит сапфир.
Даст ход таинственному гуду,
И синих вод качнется гладь,
И, тень, я лягу на кровать,
И целовать тебя я буду.

4

Мне радостно и больно,
Вдали идет гроза.
Я полюбил невольно
Зеленые глаза.

В душе качанье звука,
В ней радостный рассказ.
И больно, что разлука
Тебя умчит сейчас.

5

«В мое окно в ночи всегда глядит звезда.
Одна средь голубых и золотых горений,
Она меняется, светло дрожит всегда,
То в зыби синих снов, то в блеске алых рдений.

Костер Египетский, к разливу звавший Нил!
Колдуй через века, домчи мечту до цели.
Хочу, чтоб он ко мне свое лицо склонил,
Когда я здесь томлюсь в девической постели!»

6

Зачем к тебе скользнула змейка?

Без яда этой мысли ход,
Шестиугольная ячейка,
Пчелиный, полный неги, мед.

Я только вижу сновиденья,
И говорю тебе о них,
Ты вся – расцветшее растение,
Я весь – тебя хотящий стих.

Как не желать, хотя б в напеве,
Лишь в светлых брызгах быстрых слов,
Шепнуть влюбленно юной деве,
Что я готовлю ей альков.

Подушки вышиты шелками,
А полотно сплела Луна,
И только мысль там правит нами,
Что целомудренно нежна.

Тебя усыпав жемчугами,
С тобой я рядом – только сном.
Моя любовь – в Пасхальном храме,
Мое хотение – псалом.

Не будь же лебедью уклонной,
К тебе здесь лебедь снов плывет.
Расслышь напев души стозвонный,
Вдохни мой свежий светлый мед.

7

Как метель опушила деревья,
И одела все сосны парчой –
Как туман, собираясь в кочевья,
Расцветает горячей грозой, –
Так мечта, набросав нам созвучий,
Показала в изломе своем,
Как красив наш таинственный случай,
Как нам нежно и дружно вдвоем.

ДВЕ ПТИЦЫ

Две птицы встретились в метели,
В холодном воздухе равнины,
Они от разного летели,
Но ветер сблизил их единый.

Свистя, и то исполнен ласки,

То вдруг исполнен древней злобы,
Снежистые крутил он маски,
И гневно громоздил сугробы.

В пороше быстрой, в диких дымах,
Он этих птиц сомчал обеих,
Кружа в полях необозримых,
И путая в снежистых змеях.

В неисчерпаемости гнева,
В необозримости равнины,
В разбегах вьюжного напева,
Мелькали белые личины.

И обезумленные птицы,
Не для напрасного усилья,
Забыв родимые станицы,
Сплели в безумном ветре крылья.

Когда ж от Севера до Юга
Слиялось в двух сердцах влечение,
Их сразу остудила вьюга,
Втянувши двух в одно течение.

ИРЛАНДСКАЯ ДЕВУШКА

Поздно ночью вчера о тебе говорила собака,
О тебе говорил на болоте в осоке кулик,
Это ты одинокая птица в лесу между веток,
Одинокой был птицей, пока ты меня не нашел.

Обещался, и ложь ты сказал мне, что будешь со мною,
Говорил – будешь там, где пасутся овечьи стада,
Был протяжен мой свист, и тебе триста раз я кричала,
Не нашла ничего, только жалко ягненок блеял.

Ты мне трудную вещь обещал – как подарок любимой,
Золотой дать корабль, и с серебряной мачтой на нем,
Городов дать двенадцать, – чтоб в каждом был рынок богатый,
Подарить мне дворец, белый двор на морском берегу.

Невозможную вещь обещал – как подарок любимой,
Подарить мне перчатки из рыбьей хотел чешуи,
И из птичьих ты шкурок хотел подарить башмаки мне,
И из лучших в Ирландии платье тончайших шелков.

Мне родная с тобой говорить не велела сегодня,
Не велела и завтра, и мне в воскресенье молчать,
Так со мной говорила родимая в злую минуту,

В час, как дверь затворяла, когда обворован был дом.

Ты мой отнял восток, у меня и мой запад ты отнял,
Все, что было за мною, ты взял, все, что там предо мной,
Отнял Месяц в ночи, отнял с Месяцем яркое Солнце,
И мой страх говорит, что и Бога ты взял у меня.

ДЛИННОПОКРОВНАЯ

В тканый воздух облеченная,
Первозданная, влюбленная
Во влюбление людей,
Довременным вихрем вкинута,
Мирозданием низринута
В ткань меняемых затей, –

Над морями, над откосами,
Вся обрызганная росами
Рассыпающихся звезд,
Выше слов и выше доводов,
Ты внимаешь свисту оводов,
Пролетевших через мост.

Под тобою разъяренная
Точит ток река вспененная,
Мечет легкие снега.
Жеребцы за кобылицами,
Огнеглазый бык с телицами
Топчут сочные луга.

Будут все они ужалены,
Все в лесах сверкнут прогалины
Красным светом лепестков.
Песни птиц, в узор закручены,
Будут взвихрены, разучены,
Дух полюбит звон оков.

В душу, взяв твое внушение,
Мир полюбит дым сражения
Как душистое вино.
Без конца живя обманами,
Вбросят Эллины с Троянами
В цепь легенд свое звено.

Но из раковины вкрадчивой,
Из напевности угадчивой,
Где с Огнем слилась Вода,
Сказка, правдой расцвеченная,
В тканый воздух облеченная,

Не уйдешь ты никогда.

ИМЕНА

Несуществующих любимых
Я верный рыцарь. В добрый час.
Яви нам тонкий пламень в дымах,
Пропой волнующий рассказ.

Несуществующих желанных
Я соловьиный трубадур.
Но в отдалениях туманных
Костер любви угрюм и хмур.

Но молви имя. Волхвованье
Произнеси, – и в свой черед
Существенно существованье
Несуществующих живет.

Из заколдованной котомки
Чарует яхонт глубиной.
Вздохните, дальние потомки,
С несуществующим, со мной.

Алее ягод барбариса,
Сгустилась раной греза вновь,
Когда весенняя Лариса
Вонзила в сердце мне любовь.

Красней, чем горькая калина,
И слаще меда, и светла,
Вся в брызгах молний, Катерина
Судьбою в сердце мне вошла.

Вещуньей сказок, снов и плена,
Свивая дрему в пелену,
Возникла лунная Елена,
И до сих пор веду войну.

Душевым миром осиянна,
Она, чье имя всех древней,
Ко мне подходит молча Анна,
И в тихой я легенде с ней.

В любви внезапная, Наташа,
Ребенок в страсти, Ноэми,
Тамар, о, жертвенная чаша,
Кровь – каждая – мою возьми.

Люси, и Дагни, и Мария,
И Мирра, блеск и сладость сна.
Так от зари и до зари я
В венок сплетаю имена.

Венок ли? Знак ли светлый пира?
Скажи, о, сердце из сердец,
Венок ли, вкрадчивая Кира,
Не остролистый ли венец?

АСЯ

Не знаю, только ли сестра,
Или сестра ты и невеста.
Но там, где ты, священно место,
Лучей и снов сквозит игра.

Из золота и серебра
Старинной повести загадка.
Цветок, который дышит сладко,
И вот ему заснуть пора.

Побудь со мною до утра,
Зари огнистое сплетенье.
Ты в полночь зыбкое цветенье
Того, что было днем вчера.

ВАРЯ

Теплые росы легли по цветам.
Полночь, июньской зарей окаймленная,
В каждом цветке притаилась влюбленная.
Здесь золотое есть синее там.

Ты шевельнула слегка лепестки.
Лаской нетронута, ласки хотящая,
Очи закрыты, проходишь ты спящая,
Возле теченья великой реки.

Я тебя вызвал, добросив лучи.
Я прикоснулся до тайны застенчивой.
Будь же со мной как цветок неизменчивый,
К нашему счастью со мною ключи.

ЭСФИРЬ

Я потонул в голубой небошири,
Молния вкрадчиво сердце прожгла,
Волю сожгли поцелуи Эсфири,
Ласка желанна и полночь светла.

Веще во мне шелестели страницы,
Домыслы Солнцем сжигаемых стран,
Зыбкие долго целую ресницы,
Таинством дышит мне черный тюльпан.

ЛИЯ

Причудливая Лия,
Тебе дала природа
Желания живые
И в них мерцанье меда.

Ты роза Иордана,
Ты, смуглая, светла,
Взгляну, и сердце пьяно,
Как вешняя пчела.

МЕЙТА

О, нежная Мейта,
Ты греза Востока,
Ты песня, ты флейта,
Что где-то далеко.

И флейтой хочу я
Владеть, дорогая,
Огнем поцелуя
В ней песню слагая.

СОФИЯ

Звук София – лозунг мудрый,
Оттого в воздушных косах
Ты среди черноволосых
Лик являешь златокудрий.

Ты еще совсем загадка,
И, среди сестер одна,
Ты как тихая лампадка,
В час когда поет весна.

АГНЕСА

Огненной ярости искра упала
В сердце, которое хочет.
В мире горенье. Но пламени мало.
Сердце о большем хлопочет.

Вот почему ты сидишь у камина,
Желтой окутана шалью.
Грезится мысли пустыня. Равнина
Сжата песчаною далью.

В крае далеком пятно изумруда,
Это оазис цветущий.
Верный избранник прибудет оттуда,
И уведет тебя в кущи.

ЗЭЛЬДА

Газель обреченная тихо дрожала.
Внесенный зажегся мерцанием нож.
Как смерть беспредельна. И жизни как мало.
Как бег по лугам травянистым хорош.

Секунда, и брызнули алые струи.
Какому свирепому богу нужна
Кровавая брага? К земле в поцелуе
Припала убитая. Сон. Тишина.

Но был чарователь в том действе жестоком.
Он прах обогранный как глину смесил,
Вложил огнедух в средоточьи глубоком,
Вдохнул в изваянье дрожание сил.

И девушка встала. Открыта, румяна.
Готовая к жертве. Несчетно добра.
Идет, как выходит заря из тумана.
И смех ее светел, как звон серебра.

ИНАМЭ

Пять легких звуков, Инамэ,
Во мне поют светло и звонко.
Махровой вишни, в полутьме,
Мне лепесток дала Японка,
И расцвела весна в зиме.

Один единый лепесток
Она мне молча подарила.
Но в нем любовь на долгий срок,
Завладевающая сила,
Неисчерпаемый намек.

На жемчуг – жемчуг по тесьме,
И расцвела нам хризантема
В снежисто-месячной чалме.
Люблю тебя. Твой лик поэма.
Цветок вулкана, Инамэ.

НИНИКА

Ты нашла кусочек янтаря,
Он тебе дороже был червонца,
И вскричала, радостью горя: –
«Я нашла, смотри, кусочек Солнца».

Затаив желание свое,
Ты вбежала в Море прочь от няни.
И вскричала: «Море все мое!»
И была как птица в океане.

Ты схватила красный карандаш,
И проворно на клочке бумаги
Начертила огненный мираж
Солнечной молниеносной саги.

Ты выросла как тополь молодой,
От смолистых капель благовонный,
И пошел, как путник за звездой,
За тобой, путем Судьбы, влюбленный.

Я не знаю, в чем твой час теперь,
Между нами реки, горы, степи,
Но везде в тюрьме ты сломишь дверь,
И играя разорвешь ты цепи.

КИРА

Где ты, Белый Лебеденок?
Я пою, пронзен тоской.
Твой зазывный голос звонок
За рекой.

Ты была мне наслаждением
Разметавшейся весны,
Затенением, осенением
Тишины.

Я тобою был волнуем,
Взятый вдруг цветочной мглой,
Уязвленный поцелуем,
Как стрелой.

Ты была мне радость лета,
Сказка в сказке, сон во сне,
Ты была движенье света
На волне.

Ты была мне веер смелый,
Что трепещет чередой,
Юный лебедь, лебедь белый
Над водой.

Ты куда же улетела?
Прилетишь ли? Память длю.
И тебя я без предела
Все люблю.

ДАГНИ

Правнучка Скандинавских королей,
Валькирия, уставшая быть в бое,
Во взоре дремлет Море голубое,
Что знало много весел и рулей.

Скажу «Люблю», и этот взор светлей.
Бьет Полночь. И в протяжно-медном бое
Все прошлое, глухое и слепое,
Прозревши, слышит долгий гул аллей.

Созвенные звездятся в розах росы.
Я их вложил в прославившийся стих,

В кувшин вина, где много струй густых.

Мне снится. Я Гаральд Светловолосый.
Я твой, мечта. Мы двое. Воздух тих.
И для меня ты расплетаешь косы.

ЕЛЕНА

Я переплыл с тобою океаны,
Я пересек громады диких гор,
И пламецвет слагался нам в костер,
И рододендрон расцветал румяный.

В горячей Майе призрак марев рдяный,
В Египте, в храмах древних, тайный хор
Богов, богинь, хранящих свой убор,
Самоа остров счастья, Солнцем пьяный.

Их много, стройных стран и островов,
Где в сказку жизни заглянули двое.
Нас обвенчало Море голубое.

Друг к другу мы пришли из мглы веков.
Колибри, сновиденье световое,
Мы будем пить до смерти дух цветов.

АННА

Цвели цветы на преломленьи лета,
Их было много, красочных химер,
Порвать спешивших грань всех пут и мер,
Когда пришла ты с ласкою привета.

Ты вся была в старинный сон одета,
И я, как умиленный старовер,
Вступил с тобою в храмовой размер
Торжественно-напевного сонета.

Я разлюбил тобою – лепестки
Цветов, струящих сладкий чад отравы.
Ты мне дала сиянье тихой славы.

В часовне, где забвение тоски,
Мы рядом, мы светло в блаженстве правы.
И вьются ожерельем огоньки.

КАТЕРИНА

За то, что ты всегда меня любила,
За то, что я всегда тебя любил,
Твой лик мечте невыразимо мил,
Ты власть души и огненная сила.

Над жизнью решишь ты ширококрыло,
Тебе напев и ладан всех кадил,
И тем твой дух меня освободил,
Что ты, любовь, ревнуя, ревность скрыла.

Пронзенный, пред тобой склоняюсь в прах.
Лобзаю долго милые колени.
На образе единственном ни тени.

Расцветы дышат в розовых кустах.
Движенью чувства нет ограничений.
Я храм тебе построю на холмах.

ДВОЕ

Уста к устам, безгласное лобзанье,
Закрытые глаз, мгновенье без конца,
С немой смертельной бледностью лица,
Безвестно – счастье или истязанье.

Два лика, перешедшие в сказанье,
Узор для сказки, песня для певца,
Две розы, воскуренные сердца,
Два мира, в жутком таинстве касанья.

Души к душе мгновенный пересказ,
Их саван, и наряд их предвечный,
Алмаз минуты, но в оправе вечной.

Узнать друг друга сразу, в первый раз.
Ромео, ты сейчас в Дороге Млечной
С Джульеттой ткешь из искр свой звездный Час.

МЕРЦАНЬЕ

Глаза затянутые дымкой томной неги.

Волна расплэсканная брызгами на бреге.
Зарниц размётанные сны, излом огней.
Любви почудившейся свет с игрой теней.

Глаза осмеленные тайной глаз хотящих.
Цветы зажегшиеся сказкой в темных чашах.
Любовь пронзающая больно и светло.
Всепроницающее – лик меча – весло.

СОЛНЦЕ

Солнце, горячее сердце Вселенной,
Ты восходишь и бродишь, ты плывешь и нисходишь,
И в томительной жизни так расчисленно-пленной
Золото блеска ты к полночи сводишь.

Я стою на пределе, и шаром кровавым
Ты уходишь за горы, уплываешь за Море,
Я смотрю, но над лесом, осенним и ржавым,
Только ветер – с собой в вековом разговоре.

Вот я один. Клад утрачен мой ценный.
И хоть целое Солнце заключаю я в сердце,
Разлюбив человека, я лишился Вселенной,
Нет больше веры в единовеце.

НОЧЬ

Ночь, с миллионами солнц, разбросавшихся в дали бездонной,
Ночь, в ожерельях из звезд, и в запястьях из синих планет,
Ночь, всеокрестная тьма, и вселенский покой углубленный,
Ночь, замиренье души, выходить не хотящей на свет.

Ночь, я любил как никто, и стократно я ранен любовью,
Ночь, из тебя я исшел, но смешал красоту я с тоской,
Ночь, вся в чернейших шелках, о, дозвошь мне прильнуть к изголовью,
Ночь, ниспустишь мне в глаза, погрузи меня в вечный покой.

ЗОВ

И лепет сказочный полужаснувших птиц,
И тень дремотная сомкнувшихся ресниц,
И тишь закрывшихся двустворчатых темниц.

Где жемчуг будущий еще повержен ниц,
И пряжа зыбкая немеющих зарниц,
И клик слабеющий отлетных верениц,
И строки вещие желтеющих страниц
Одно горение, свеча одних божниц,
Зовущих к виденью навек ушедших лиц.

ЧЕРЕП

Тих на полке зрящий череп,
Вестовой немых веков,
Говоритель мертвых слов.
Если б дать ему покров
Крови, плоти, – в равной мере б
Он со мною, в дымке снов,
Слушал медный бой часов.

Сердце к сердцу рассказало б
Что проворный бег минут
Там соткал, как ткет и тут,
Змеезвенный звонный жгут
Слов, признаний, сказок, жалоб,
Что твердыня и редут
Неизбежно упадут.

В мяч играть ли или в крикет,
В меч, в пращу, в копье, и щит,
Или в камень маргарит,
Или в зорный цвет ланит,
Но виденье и Египет,
И в святыне пирамид
Жив один рисунок плит.

Сердце верно побороло б
Вечность жажды видеть сон,
Если б понял каждый он.
Что напевы всех времен
Только стоки в дымный желоб.
Где текут со всех сторон
Миги марев, мертвый звон.

На узоре, на примере б
И любая здесь она
Увидала, что дана
Нам в люблени глуть без дна,
Что разумен только череп,
И его судьба верна,
Ибо в смерти тишина.

МЕРА

Тьма черты перемещает.
Ночь – из края теневого.
Ночь спокойна. Отчего я
Так печален в этот час?
День всечасно обещает,
Но не сдерживает слово,
День лукавит, зданья строя,
И обманывает нас.

Воздух ночи необманен,
Нет на ткани кисти лишней.
Отчего ж пугает серый
Цвет, предвестье черноты?
Я стрелюю черной ранен.
Я грущу о правде вышней.
Только солнечною мерой
Мерю зерна Красоты.

ВОЛЯ В НЕВОЛЕ

В заточеньи мне дано
Только тусклое окно.
И железною решеткой
Так исчерчено оно,
Что Луну не вижу четкой: –
Чуть засветится – она
В клетке вся заключена.

В заточеньи мне даны
Только вкрадчивые сны.
Чуть из дымных средоточий
В крове темной тишины
Подойдет забвенью ночи. –
И дремотой облечен,
Синей сказки дышит лен.

Вижу Море изо льна,
Бьет лазурная волна,
Много синих струй и точек.
Голубая глубина,
Жив сафировый цветочек.
Мой челнок, мне данный сном,
Реет в Море голубом.

КРУГ

Слышать ночное дыханье
Ближних уснувших людей,
Чувствовать волн колыханье,
Зыбь отошедших страстей, –

Видеть, как, вечно гадая,
Сириус в небе горит,
Видеть, как брызнет, спадая,
В небе один хризолит, –

Знать, что безвестность от детства
Быстрый приснившийся путь,
Вольно растратить наследство,
Вольным и нищим уснуть.

ЗОЛОТЫЕ ГВОЗДИ

Звезды – гвозди золотые,
Бог их в небе вбил неровно
В стену голубую.
Реки там текут литые,
Перепутанно-витые,
В каждой ток есть безусловно,
Выбери любую.
Чуть заснешь, увидишь четко: –
В небе нас уносит лодка
В Млечный Путь.
Мы там будем. Мы там будем.
Засыпай же. Все забудем,
Чтобы вспомнить что-нибудь.

МАЯК

Мы не знаем, какие влияния звезд без конца отдаленных
Сочетались в решение к жизни воззвать, и к отдельности нас.
Но мы чувствуем звезды сквозь наши ресницы в видениях сонных,
И мы чувствуем звезды в наш самый невольный влюбленный наш час.
Мы не знаем, какими путями, болотами, лесом, горами
Мы пойдем неизбежно по этой назначенной темной земле,
Но мы знаем, что звеня, мы знаем, что звезды за нами, пред нами,
И плывем на маяк, вырываясь к благовому в разлившемся зле.

Я

Мы все равны пред Высочайшим Светом,
Который дал нам, в прихоти своей,
Несчетность ликов, светов и теней,
Рассыпав нас, как краски пышным летом.

Где больше правды? В дне, лучом одетом,
Или в провале бархатных ночей?
Я лев, и лань, и голубь я, и змей.
Сто тысяч я пройдя, я стал поэтом.

Меж мной и Высшим, чую, грань одна,
Лишь острие мгновения до Бога.
Мгновенье – жизнь, мой дом. Я у порога.

Хоть в доме, я вне дома. В безднах сна
Понять, что в мире правда лишь одна,
Есть в бездорожья верная дорога.

ЖИВОЙ И В СМЕРТИ

Объят кольцом пустыни раскаленной,
Где лик самума кажет желтый цвет,
Оазис в изумрудный сон одет,
С рекою голубой и в жизнь влюбленной.

С зарею дышит лотос умиленный,
Качая в чаше синеватый свет,
Папирус, лучший символ меж примет,
Уводит в храм с колонною взнесенной.

Там в золотистых звездах потолок.
Там дева-мать, вернейшая супруга,
Вернула в жизнь растерзанного друга.

Вздымаясь к Солнцу, обелиск высок.
Семь тысяч лет твой мед еще не выпит,
Живой и в смерти, сад богов, Египет.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГИМН КАИРСКОГО ПАПИРУСА

Привет Тебе, Ты милосердный,
Владыка радости, сиянья и добра,
Хвалю тебя хвалой усердной,
Могучий Ра.

Высокие ты носишь перья,
Круговозвратную, как перевязь, змею,
Ты день выводишь из преддверья,
Тебя пою.

Твое явленье любят боги.
Их два, высокие, все в пламенах, венца,
Горят в лучах твои дороги,
Им нет конца.

Весь мир, в сияньи, в братстве дружном,
Многообильные идут стада. Пора.
Твоя любовь на небе Южном.
Могучий Ра.

На небе Северном отрада,
Ты красотой своей пленяешь все сердца,
Ты побеждаешь силой взгляда,
Огнем лица.

Единый лик, в звенящем гуде,
Творец единственный, поток без берегов,
Из глаз твоих возникли люди,
Рот – сонм богов.

Поля, и гнезда птиц небесных,
Луга, и малая нора,
Тобой живы все, ты в зарослях древесных,
Могучий Ра.

Проснулась тихая личинка,
Раскрыт просящий рот птенца,
Тобой на стебельке озарена росинка,
Ты жизнь яйца.

Привет тебе от всех живущих,
Один со множеством вседостающих рук,
Исток для уст блаженно-пьющих,
Всемирный звук.

Все спят, но ты не спишь за гранью,
Прядется добрая для всех живых игра.
И все твои – с благою данью,
Могучий Ра.

Первее всех горящий рано,
От высоты небес до широты земной,

Входящий в глуби Океана,
Огонь родной.

Тебе от каждой твари слава,
Песнь величания от всех окрестных стран,
Пред силой светлого устава
Звучит тимпан.

Твое величество безмерно,
Раскинул небо ты, тобой взнеслась гора,
Ты вечно тот, чье имя верно,
Могучий Ра.

Все боги чувствуют величье,
И, волю давшего им жизнь в себе храня,
Они ликуют, стая птичья,
В лучах огня.

Создатель дрогнувшей Вселенной,
Отец отцов, и бог, родитель всех богов,
Прими напев наш вдохновенный,
Весь жемчуг слов.

Ты, давший скрепу вечным осям,
Ты, Зодчий, давший миг до завтра от вчера,
Тебя мы сердцем превозносим,
Могучий Ра.

ЦВЕТОЗЫБЬ

Я видел лазурное облако,
На небе окружно-оранжевом,
Оно походило на пажити,
Где только одни васильки.
Был красный и желтый основой,
Но лентою густо-лиловою
Змеилось течение реки.

Блестя чешуею сиреновой,
Она протекала в отвесности
Безмерным удавом, решившимся
Измерить весь зримый простор.
И в желтой пустыне молчания
Нигде не вскипало звучания,
Весь слух превратился во взор.

Вблизи аметистов разбрызганных
Взрастали стволы черноперева,
Качался на ветках эбеновых

Вулканно-багряный расцвет.
Навесы его лепестковые,
Все новые свесы и новые,
Цветящийся гроздьями бред.

Они разжимались как молнии,
Спрядались в ковры огнебрызгами,
Держались подолгу как радуги,
Цвели воскуреньем зарниц.
Но в странной пустыне молчания
Нигде не дрожало звучание,
Ни духов, ни зверя, ни птиц.

Прошли бесконечности времени,
Лазурное облако ширилось,
Река уходила к безбрежности,
Русло перешло на уклон.
Вдруг даль с теньвыми пределами
Грудями зазыбилась белыми,
И долгий возник перезвон.

Два белые тела, две женщины,
Одна как заря, златокудрая,
Другая с полночными косами,
Но обе одеты в века.
И в бешеный вихрь, вереницами,
Псалмы полетели за птицами,
И брызгала кровью река.

КАК ВОЗНИКАЕТ СТИХ

Как возникает стих певучий?
Меня спросил ребенок малый.
Я быстро стал играть с ребенком
В разбег мечты и в прятки слов.
Как возникают звезды в небе?
Его спросил я, усмехаясь.
Они горят – из темной ночи,
И золотятся – в черноте.
Как возникает цвет гвоздики?
Во мгле земли таится семя,
И, с сладкой болью разломившись,
Зеленый выпустит росток.
Упорный стебель, прицепившись
К земле корнями, ждет и ищет,
Он любит воздух, свет и влагу,
Он любит Солнце, смену зорь.
Пылинки малой не пропустит,
Которая нужна для пряжи,

Росинки малой он не сбросит,
А выпьет в ней бокал вина.
И от тоски и от желанья,
И от любви – родится сердце
Зеленое, зовется почкой,
Цветочным узликом оно.
И в час, когда ударит Солнце
Свой златоблаговест по небу
И колокол округло-синий
Лучистой музыкой звучит,
В сердечке малом и зеленом,
Которое дрожит под ветром,
Вдруг станет горячо и нежно,
Оно краснеет от стыда.
Так хорошо ему и больно,
Из тайны хочется на воздух,
Опять разрыв, опять раскрытье,
И разломился изумруд.
Мерцает алая гвоздика,
Блаженным светится румянцем,
Являет зарево желанья,
Поет безмолвным угольком.
Так возникает стих певучий,
И все красивое, что в мире
Зовет нас к празднику, и сердцу
Быть в серых буднях не велит.
Волшебен жемчуг в ожерелье,
Но он из раковины скользкой,
Он из глубин, где слизь и гады,
И все же вырвется к лучу.
Волшебно золото в запястье,
И в золотом кольце, в колечке,
Что малым обручем умеет
Двоих в один смешать напев.
И кругло, кругло так сверкает,
Как будто хочет рассказать нам,
Что покачусь, мол, по земле я,
И будет вся земля моя.
Волшебно золото, являя
Стушение солнечных горений,
И заставляя человека
Свершить и самый тяжкий труд.
Но это золото, в котором
Рассвет дневной и праздник вышний,
Родится между скал бесплодных,
В безгласно-мрачном сердце гор.
И что красивее снежинки?
Но должен воздух остудиться,
Замерзнет мир кругом, пред тем как
Запляшут звездочки в ветрах.
Учись в кристаллах знанью жизни,
Учись любить и быть красивым,

И не бояться измениться,
И остудить свой влажный миг.
Из черной глубины колодца
Воды испьешь ты самой свежей,
И самый звонкий возглас сердца
Из самой тягостной тоски.
Так возникает стих певучий
Узнайте это, дети мира,
Чтоб вы умели нарядиться,
Когда вас праздник позовет.

ТАЙНА ПРАХА

1

Были сонные растенья,
Липко-сладкая дрема,
Полусвет и полутьма.
Полуявь и привиденья.
Ожиданье пробужденья,
В безднах праха терема,
Смерть, и рядом жизнь сама.

Были странные растенья.
Пышный папоротник-цвет,
После долгих смутных лет,
Вновь узнал восторг цветенья.
И людские заблужденья,
Весь дневной нарочный бред,
Я забыл и был поэт.

Вдруг исчезло средостенье
Между тайною и мной.
Я земной и неземной.
Пело в сердце тяготенье,
И шептали мне растенья
«В прах глубокий дверь открой.
Заступ в руки. Глянь и рой».

2

Колыбелька кораблик,
На кораблике снасть.
Улетает и зяблик,
Нужно травке пропасть.

Колыбельку качает
Триста бешеных бурь.

Кто плывет, тот не чаёт,
Как всевластна лазурь.

Полевая кобылка
Не поет. Тишина.
Колыбелька могилка,
Захлестнула волна.

Колыбелька послушна,
Притаилось зерно.
Ах, как страшно и душно,
Как бездонно темно!

Колыбелька кораблик,
На кораблике снасть.
Он согреется, зяблик,
В ожидании власть.

3

И ждать ты будешь миллион минут.
Быть может, меньше. Ровно вдвое.
Ты будешь там, чтоб, вновь проснувшись тут,
Узнать волнение живое.

И ждать ты должен. Стынь. Молчи. И жди.
Познай всю скорченность уродства.
Чтоб новый день был свежим впереди,
У дня не будет с ночью сходства.

Но в должный миг порвется шелуха,
Корней качнутся разветвления,
Сквозь изумруд сквозистого стиха
К строфе цветка взбодрится мленье.

Приветствуй смерть. Тебе в ней лучший гость.
Не тщетно, сердце, ты боролось.
Слоновая объята златом кость.
Лоза – вино. И хлебу – колос.

Я облекался в саван много раз.
Что говорю, я твердо знаю.
Возьми в свой перстень этот хризопраз.
Иди к неведомому краю.

4

«Красные капли!» Земля восстонала.
«Красные капли! Их мало!
В недрах творения – красное млеко,

Чтоб воссоздать человека.

Туп он, и скуп он, и глух он, и нем он,
Кровь проливающий Демон.
Красные капли скорей проливайте,
Крови мне, крови давайте!

Мечь совершающий, выполни мщенье,
Это Земли есть решенье.
Мечь обернется, и будет расцветом.
Только не в этом, не в этом.

Бойтесь, убившие! Честь убиенным!
Смена в станке есть бессменном.
Кровь возвратится. Луна возродится.
Мстителю мечь отомстится!»

5

Я сидел на весеннем веселом балконе.
Благовонно цвела и дышала сирень,
И березки, в чуть внятном сквозя перезвоне,
Навевали мне в сердце дремоту и лень.

Я смотрел незаметно на синие очи
Той, что рядом была, и смотрела туда,
Где предвестием снов утоляющей ночи
Под Серпом Новолунным горела звезда.

Я узнал, что под сердцем она, молодая,
Ощутила того молоточка удар,
Что незримые брызги взметает, спрядая
В новоликую сказку, восторг и пожар.

И постиг, что за бурями, с грезою новой,
На земле возникает такой человек,
Для которого будет лишь Солнце основой,
И разливы по небу звездящихся рек.

Я взглянул, и травинка в саду, прорастая,
Возвещала, что в мире есть место для всех.
А на небе часовня росла золотая,
Где был сердцем замолен растаявший грех.

ПЕРСТЕНЬ

В воде затона ивы отраженье
Баюкает дремотную мечту,
Ведет ее тихонько за черту
Путями безглагольного внушенья.

Кто знал за страстным счастьем постриженье,
Он перешел из мая в темноту,
Но в сумраках я кружево плету.
Сцепленье скреп и мраков разреженье.

Спокоен монастырский старый сад,
В нем с цветом цвет заводит разговоры,
А в храме то встают, то молкнут хоры.

Безбрежность, к миру, выросла преград,
Луга, поля, равнины, реки, боры,
Нагроможденье каменных громад.

2

Нагроможденье каменных громад
Безмерным перстнем остров оковало,
Где радостей минувшего так мало,
Но где мечта всегда идет назад.

Душа, познав, разумный любит лад.
Кто знал разбег и все кипенье вала,
В нем радостность скитанья миновала,
В нем струны тихой музыкой дрожат.

Цветов, дерев, их пышных изобилий.
Красивы чаши крупных белых роз,
Как будто, грезя, создал их мороз.

Кадильницы молитвенные лилий.
Красив у монастырских белых врат
Гвоздики алой тонкий аромат.

3

Гвоздики алой тонкий аромат
Ведет мечту в начальные расцветы,
Когда весь мир душе давал ответы,
И мысль еще не ведала утрат.

Ты был со мной, давно умерший брат,
С тобой мы были в молнии одеты
Мы были духи, гении, поэты,
Я песни наши записать был рад.

Гвоздики малой рдяное цветенье
Ведет еще волнующий рассказ
О пламени иных желанных глаз.

Всех вышних звезд мерцает в них теченье,
Всей Вечности предвозвещенный час,
Любимого к любимой приближенье.

4

Любимого к любимой приближенье
Пропето в Песни Песней всех времен,
На зыби самых яростных знамен,
В безумствах дел, в размахе достижения.

Тончайшая игра воображенья,
Дрожанье всех волшебных веретен –
В жерле любви, – всевластен кто влюблен,
Без сна любви – бесцельное круженье.

Но божески прекрасны мы лишь раз,
Когда весною любим мы впервые,
Мы на земле, но небом мы живые.

Тот пламень вдруг блеснул, и вдруг погас.
Позднее – тьмы и света в нас смешенье.
Морской волны вспененное движенье.

5

Морской волны вспененное движенье
Влечет в еще не познанную даль,
Где синяя пленяет их печаль,
Где талисманы нового явления.

Быть может, страх, быть может, преступленье?
Мне все равно. Мне ничего не жаль.
Я знал, как в битвах расцветает сталь,
Мы здесь сполна в волне предназначенья.

От берега до берега – моря.
В двух рубежах – пространство голубое,
Закат в одном – в другом краю – заря.

Чтоб третий был, должны встречаться двое,
И нужен, чтобы брызнул водопад, –
В венце из молний гром, его раскат.

6

В венце из молний гром, его раскат,
Псалом вселенский вечной Литургии,
Лишь в бешенстве разлома все стихии
Зиждительно красивы многократ.

Не только губит жатву крупный град,
В нем праздник формы, пляски круговые,
И старый сказ об искусившем Змие
Весь перевит в пьянящий виноград.

Единой всеисчерпыванья силой
Вступили в свет из тьмы небытия
И дикий смерч и малая струя.

Пред творческой мечтой ширококрылой
Равны – цветок лужайки, горный скат,
Орел, и тигр, и мотылек, и гад.

7

Орел, и тигр, и мотылек, и гад
В едином свитке роковые строки,
Повинности, для всех одной, уроки,
Все вещество – один священный Град.

Сознание безумящий набат,
И пляшущий бубенчик в поволоке
Туманов предрассветных – одиноки
И дружно слитны, звуку звук – собрат.

Что бьется выразительней для слуха,
Мое ли сердце, взятое стрелой,
Или в прозрачной паутине – муха?

Мы боль равно кладем на аналой.
Вся жизнь есть жертва, мир – богослуженье,
Все в жизни мировой есть выраженье.

8

Все в жизни мировой есть выраженье
Единого предвечного Лица,
В котором боль и радость без конца,
И наши лица лишь отображенье.

Творящих сил качанье и броженье,
Борьба, чтоб жил, как факел, дух борца,
Путь роз и путь тернового венца,
Тьмы тем в путях к лучам преображенья.

Ты слышал птицу? Что в ней может быть?
Какой-то вскрик. Нам этот звук не внятен.
А в нем предельный зов, мольба любить.

И мы могли бы в песне радость пить,
Когда б закон миров нам был понятен: –
Все хочет хоть минуту говорить.

9

Все хочет хоть минуту говорить,
Чтобы, явив на миг свою отдельность,
Внедриться в многосложнейшую цельность,
И смысл чертою новой озарить.

Нам нужно бытие боготворить,
Пролить на все вниманье и молельность,
Познать предел и рваться в беспредельность,
И разрушать, чтоб новое творить.

Для царственного счастья созиданья
Должны металл калить мы горячей,
Взять в нашу радость полноту страданья.

Сжать яхонт дня оправой ночей.
Уметь сказать, в решении суровом,
Молчанием и напряженным словом.

10

Молчанием и напряженным словом,
Мятежным воплем мечущей души,
Молитвою, затёпленной в тиши,
Грозой, что ломит сучья по дубровам, –

Прорывом к далям, дальше, к далям новым,
Призывом страсти: «Пей! Бери! Спеш!» –
Все смелые разбеги хороши,
И трубит рог удачи быстрым ловам.

Упиться страстью, нежа и любя,
Упиться битвой, пляской вдохновенья,
Упиться чем-нибудь, но до забвенья, –

Вот лучший путь, чтобы найти себя,
И тешиться, под бархатным покровом,
Звездой небес и запахом сосновым.

Звездой небес и запахом сосновым,
 Росинкой трав и молнией в грозе,
 Алмазом, загоревшимся в слезе,
 Играет дух и прячется под кровом.

Работает пчелой в цветке медовом,
 Ярится в быстролетной стрекозе,
 Крутится струйкой пыли на стезе,
 С усмешкой смотрит взором чернобровым.

Мелькнет, лампада ночи, светляком.
 Нависнет аметистовым удавом,
 Червем, как храм, земли источит ком.

Возникнет альбатросом величавым,
 Задумает людей тканью учить
 Крестовиком, свою скрутившим нить.

Крестовиком, свою скрутившим нить,
 Была такая сплетена картина,
 Что в споре сражена была Афина,
 Всю жизнь богов сумел в узор он влить.

Он радугой умеет распалить
 Отъединенный замок властелина,
 И так легко-изящна паутина,
 Что кружево лишь можно с ней сравнить.

Все существа владеют тайным даром,
 Своим, хотя не все, что в мире есть,
 И что дробится численным пожаром,

Способен человек в веках прочесть.
 Хоть разный лик дан соловьям и совам,
 Один огонь бежит по всем основам.

Один огонь бежит по всем основам,
 И тайнопись огня рассмотрим мы
 И в яростном пришествии чумы,
 И в странных снах, являющихся вдовам.

Всем Буддам, Брамам, Зевсам, Иеговам
 Являлся свет в предельностях тюрьмы.
 Благословим же царство нашей тьмы,

Но подожжем ее костром багровым.

Сожжем себя, коль золота хотим,
Сожги себя, коль хочешь возрожденья,
Жар-Птицей будешь, реющей сквозь дым.

Из новых струн сверкнет иное пенье.
От перстня получи, – чтоб сон сменить, –
Желанье в вечном миг свой сохранить.

14

Желанье в вечном миг свой сохранить
Дается всем, один горит алмазом,
Другой трудом, благословеньем, сглазом,
Но каждый может лик свой оттенить.

Лишь лености не дай себя склонить,
И острием пройди по цепким связям,
Циклоном дней владеет строгий разум,
Умей огнем наряд свой изменить.

Был самородок в руднике глубоком.
В горнило брошен, изменил свой лик,
И круг искусно скован. Ярким оком

В нем самоцвет колдующий возник.
Так точно, по закону вороженья,
В воде затона ивы отраженье.

15

В воде затона ивы отраженье,
Нагроможденье каменных громад,
Гвоздики алой тонкий аромат,
Любимого к любимой приближенье, –

Морской волны вспененное движенье,
В венце из молний гром, его раскат,
Орел, и тигр, и мотылек, и гад,
Все в жизни мировой есть выраженье.

Все хочет хоть минуту говорить,
Молчанием и напряженным словом,
Звездой небес и запахом сосновым, –

Крестовиком, свою скрутившим нить,
Один огонь бежит по всем основам,
Желанье в вечном миг свой сохранить.

ПРИМИРЕНЬЕ

От тебя труднейшую обиду
Принял я, родимая страна,
И о том пропел я панихиду,
Чем всегда в душе была весна.

Слово этой пытки повторю ли?
Боль была. Я боль в себе храню.
Но в набатном бешенстве и гуле
Все, не дрогнув, отдал я огню.

Слава жизни. Есть прорывы злого,
Долгие страницы слепоты.
Но нельзя отречься от родного,
Светишь мне, Россия, только ты.

ЗВЕЗДНЫЙ ВОДОМЕТ

Я видел звездный водомет,
Как будто Северное вдали сияние.
Воздушных искр застывший взлет,
Сквозистых занавесей переливание.

От опахал легчайший пух,
Соткавший веерами игру слиянную,
Смотрел в бездонность Вышний Дух,
Стремя чудесничеством тоску безгранную.

Печатается по: К. Д. Бальмонт. Дар Земле. – Париж: Книгоиздательство «Русская Земля», 1921

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>